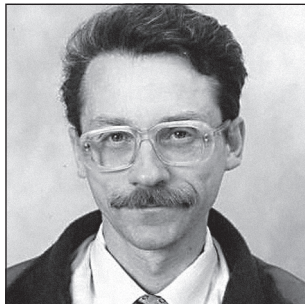

О классификации подходов к определению псевдонауки: традиции и новации¹

В.А. БАЖАНОВ, А.М. КОНОПКИН

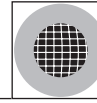
Предмет исследования – проблема поиска определения псевдонауки, адекватного природе этого феномена. Анализируются определение псевдонауки с помощью критериев научности, сравнения с мифом, понимание псевдонауки как психологического или социального явления. Показывается неполнота подходов к определению псевдонауки без ее сопоставления с наукой и учета специфики псевдонауки как разновидности знания.

Ключевые слова: псевдонаука, лженаука, проблема демаркации, критерии научности, миф.

Вероятно, для становления философии науки наиболее важное значение имела проблема демаркации научного и ненаучного знания. Позитивизм XX в. возник в контексте попытки ответить на вопрос о демаркации, постоянно находившийся в центре внимания. В рамках постпозитивизма также предлагались самые

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 10-03-00540а, и в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.

разные варианты², вплоть до отказа от этой проблемы как псевдопроблемы (так, П. Фейерабенд призывал уравнивать с наукой вненаучные идеологии, теории, практики, а миф фактически призывал ценить выше науки, так как его достижения «несравненно более значительны»³). В целом проблема демаркации не получила однозначного решения, и последние десятилетия можно характеризовать как ситуацию на распутье, когда все сказанное осмысливается, дополняется, но нет решительного сдвига к решению данной проблемы, дальнейшее направление исследований еще не обозначилось сколько-нибудь отчетливо, хотя это направление интенсивно ищется⁴. Причина этого поиска носит не только академический характер. Прояснить этот вопрос необходимо в практическом плане, поскольку некоторые разновидности псевдонауки способны нанести непоправимый урон жизни и благополучию человека или даже человечества. Если довериться псевдонауке, то даже такое грозное заболевание, как рак, можно излечить всего лишь соком капусты или на худой конец акульими хрящами. Однако такое доверие и иллюзия простого решения могут очень дорого стоить⁵.

Проблема понимания природы псевдонауки – частный случай демаркации науки и ненауки. Поэтому неопределенность с демаркацией имела печальные следствия для проблемы псевдонауки – возникли трудности с ее определением, объяснением специфики. Действительно, чтобы определить псевдонауку, нужно решить по крайней мере, с чем, собственно, ее соотносить – с наукой или вненаучным знанием? А может быть, это лишь особенности психологии отдельных людей или порождение специфических социальных условий? Попытки продвинуться во всех обозначенных направлениях базируются на совершенно разном понимании природы псевдонауки и ее специфики.

В отечественной философии проблема псевдонауки обсуждается давно; достаточно вспомнить даже не отдельные статьи, а целые дискуссии, проходившие на страницах журналов «Вопросы философии», «Вестник РАН», «Наука и жизнь», «Химия и жизнь» и др. Не оставался в стороне, конечно, и журнал «Эпистемология и философия нау-

² Знаменитое выступление И. Лакатоса по радио Би-би-си было посвящено как раз этой проблеме. См.: *Lakatos I. Philosophical Papers* ; eds J. Worrall and G. Currie. Vol. I. *The Methodology of Scientific Research Programmes*. P. 1–7. Там же можно найти анализ И. Лакатоса взглядов К. Поппера на эту проблему (P. 139–167); см. также: *Порус В.Н. Демаркации проблема // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 167–169; http://en.wikipedia.org/wiki/Demarcation_problem; <http://www.search.com/reference/Pseudoscience>.*

³ *Фейерабенд П. Избранные труды по философии науки. М., 1986. С. 514, 516.*

⁴ См., например: *Hansson S.O. Cutting the Gordian Knot of Demarcation // International Studies in the Philosophy of Science. 2009. Vol. 23. № 3. P. 237–243.*

⁵ См., например: *Ostrander G.K., Cheng K.C., Wolf J.C., Wolfe M.J. Shark Cartilage, Cancer and the Growing Threat of Pseudoscience // Cancer Research. 2004. Vol. 64. P. 8485–8491.*

ки». Один из достаточно свежих примеров – статья о медиумизме, спиритизме⁶. Однако создается парадоксальная ситуация – при огромной актуальности и неподдельном интересе, который вызывает эта тематика, философия подчас мало что может здесь сказать. Недостатка в фактическом материале нет, но этот материал слабо систематизируется и превращается в плохо доступный для понимания «вал» информации, где каждый автор развивает оригинальный подход и не осмысливает проблему в целом. Академическое осмысление ситуации существенно отстает от «гонки определений», если можно так выразиться. Например, практически не было попыток подразделить определения псевдонауки на группы, попытаться выявить плюсы и минусы разных подходов. Поэтому возникает необходимость остановиться и предпринять некоторый «метаанализ», упорядочить различные точки зрения.

Попытаемся лишь в самом общем виде обрисовать современные подходы к проблеме демаркации науки и псевдонауки, показать, как в каждом из них определяется псевдонаука, обозначить трудности каждого из подходов. Возможно, это позволит понять причины сложностей, с которыми сталкиваются исследователи этой непростой и многогранной проблемы.

Подходы к проблеме определения псевдонауки

Некоторые подходы к определению науки и псевдонауки были намечены в работах Н.И. Мартишиной и В.Н. Поруса. Так, Мартишина, говоря об определении псевдонауки, указывает на существование трех возможных схем дальнейшего ее осмысления. Первая из них – программа гносеологического анархизма, в которой утверждается, «что вообще не стоит говорить о специфике науки, что в действительности никакими особенностями по сравнению с мифом или религиозной доктриной наука не обладает»⁷. Второй подход – отказаться от поиска списка параметров научности и сделать акцент на более «скромной» задаче – найти конкретный признак, который позволил бы отличать научные концепции от ненаучных. Третий подход – отказаться от поиска абсолютных признаков науки, а исследовать признаки научности как тенденций (разница в том, что здесь говорится не об обоснованности или объективности как признаках науки, а о *тенденции* к обоснованности, объективности). Порус предлагает назвать

⁶ См.: Халтурин Ю.Л. Русские позитивисты за медиумическим столом, или Об отнесенности понятия «псевдонаука» // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. XXII. № 4. С. 158–170.

⁷ Мартишина Н.И. Тема «Наука и вненаучное знание» в курсе философии науки // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. VI. № 4. С. 112–114.

подобный подход «критико-рефлексивным», в нем допускается изменение или развитие научной рациональности⁸.

Учитывая эти схемы, попытаемся обрисовать более широкую картину. На наш взгляд, можно говорить по крайней мере о шести подходах к проблеме псевдонауки, которые с некоторой степенью условности можно назвать так: классический; релятивистский; логико-методологический; культурно-мифологический; психологический; социальный.

Классический подход связан с анализом псевдонауки в рамках ее сопоставления с наукой; этот подход изначально развивался в рамках позитивизма. Позитивизм сначала выступал в критериально-фундаменталистской форме – это поиск однозначного критерия демаркации науки и ненауки. В рамках этого подхода обычно дается отрицательная характеристика псевдонауки как заблуждений, не подходящих к идеалу правильного знания. В противоположность позитивизму *релятивистский* подход утверждает, что разграничение науки и ненауки невозможно, поскольку наука не имеет особых когнитивных преимуществ перед другими формами знания (П. Фейерабенд).

Позитивизм и релятивизм были наиболее фундаментальными тенденциями, и поэтому, вероятно, современные концептуально с ними связаны. Так, *логико-методологический* подход, признавая многообразие научного метода, ищет основы для демаркации в методологии частных наук с учетом отсутствия единых критериев демаркации (А.В. Кезин, Б.И. Пружинин). Это связано с тем, что постпозитивистские исследования несли существенный релятивистский заряд. Однако несостоятельность проекта поиска и нахождения «строгой» демаркации не стала концом попыток критериального разграничения, просто современный анализ стал более изощренным и обычно базируется уже на признании историчности научного метода, разнообразия идеалов научности.

Релятивистские тенденции отчетливо выразились и в современном подходе, который можно назвать *культурно-мифологическим*, – он связан с сомнением в возможностях демаркации и базируется на анализе ненаучных форм знания, их особенностей по сравнению с наукой. Псевдонаука здесь часто понимается как самостоятельная разновидность вненаучной культуры и определяется как форма мифа, массовой культуры и т.д. Этот подход имеет место в исследованиях Н.И. Мартишиной, И.Т. Касавина, В.М. Найдыша.

Несколько особняком стоят *психологический* и *социальный* подходы. В первом случае анализируется личность, сам разработчик псевдонаучной теории (девизом этого подхода можно считать мнение горячего сторонника этого подхода А. Держсена о том, что «вопрос

⁸ Псевдонаучное знание в современной культуре : материалы круглого стола // Вопросы философии. 2001. № 6. С. 14–15.

обоснованности теории не имеет никакого отношения к вопросу о личности псевдоученого⁹). Специфика самого знания здесь отходит на второй план, а на первый выходит личность, специфические особенности мышления которой обуславливают появление псевдонауки.

Социальный подход связан с характеристикой псевдонауки как явления, вызванного в основном предпосылками, связанными с обществом, такими, как падение уровня образованности, коррупция и т.д. Это понимание характерно для ученых-естественников, среди представителей – В.И. Арнольд, В.Л. Гинзбург, Э.П. Кругляков.

Хотя это разделение условно, акценты анализа выделяются довольно четко. Рассмотрение псевдонауки как самостоятельного вне-научного феномена, независимого от науки (релятивистский, культурно-мифологический подходы), или продолжение поиска в рамках сопоставления с наукой (логико-методологический подход) – две магистральные линии анализа. Далее мы попытаемся показать состояние и перспективы развития этих подходов.

Стандартный подход к определению псевдонауки: плюсы и минусы

Стандартный подход подразумевает разговор о критериях научности. Наиболее известны монокритерии (т.е. предлагается только один критерий для отличия науки от псевдонауки), выдвигавшиеся в позитивизме, – верификации и фальсификации. В отечественной литературе распространен поликритериальный подход, где приводится несколько критериев псевдонауки. Так, В.П. Филатов считает, что псевдонаука «не отвечает познавательным критериям научности»¹⁰; М.Р. Жбанков отмечает конкретные нарушения: субъективистская теория познания, не критичность, эзотеричность, авторитарность¹¹. О том, что псевдонаука «не соответствует нормам, стандартам и критериям научной деятельности, сознательно или бессознательно от них отстает»¹², говорит В.М. Найдыш. Российский биолог Л.Н. Медведев отмечает, что псевдонаука «не удовлетворяет принципам научной методологии в отношении преемственности, критичности, достоверности, наличия элементов эзотеризма, иногда воспроиз-

⁹ Derksen A.A. The Seven Sins of Pseudo-Science // Journal of General Philosophy of Science. 1993. № 24. P. 17.

¹⁰ Филатов В.П. Наука в контексте идеологии и вне-научных форм знания. М., 1992. С. 20–24.

¹¹ Жбанков М.Р. «Отклоняющееся» знание в развитии науки // X Всесоюзная конференция по логике, методологии и философии науки. Минск, 1990. С. 182–183.

¹² Наука и квазинаука / В.М. Найдыш, Е.Н. Гнатик, В.Н. Данилов [и др.]. М., 2008. С. 113.

водя частные специфические черты научного знания, но при отступлении от наиболее значимых признаков»¹³. Говорят и о том, что псевдонаука не соответствует критерию воспроизводимости; действительно, для многих псевдонаучных концепций барьером является невозможность воспроизведения.

Несмотря на то что проект демаркации столкнулся с трудностями, в литературе самое распространенное определение псевдонауки все так же дается в русле критериев научности. Классическим можно считать определение псевдонауки как концепций-зablуждений, претендующих на научность, но не соответствующих науке по ряду критериев научности (Филатов, Мартишина, Микешина, Медведев, Найдыш). Это определение псевдонауки является «стандартным», так как оно часто приводится и в учебниках, и в специализированных монографиях.

Отметим сразу, что даже первая часть определения, где говорится о претензиях на научность, весьма условна. Так, канадский исследователь Э. Лагг указывал на простую вещь – предсказания ясновидцев являются псевдонаучными независимо от того, правильны они или нет, хотя ясновидцы обычно и не утверждают, что являются профессиональными учеными¹⁴. На практике мы, характеризуя нечто как псевдонауку, конечно, никогда не думаем, претендует ли это нечто на научность. Ухватываются некие существенные особенности самого характеризуемого знания; неважно, претендует на научность идея какого-либо ученого или это религиозная доктрина, не имеющая внешних претензий на научность, но по сути конфликтующая с научными данными. Задача определения псевдонауки включает в себя и экспликацию этого внутреннего процесса.

Не слишком удовлетворительна и вторая часть определения, где говорится о несоответствии критериям научности – как известно, критерии не стали демаркационной «линией» в универсальном смысле; оказалось, что они имеют довольно ограниченное значение. Возникло множество трудностей – например, общие экзистенциальные суждения (утверждающие существование), согласно критерию фальсификации, гораздо менее научны, чем отрицательные суждения, – ведь их легче проверить. Кроме того, теоретические выкладки часто намного опережают практические возможности по их проверке. Но это не может быть основанием для характеристики представлений как ненаучных, так как в последующем теория все же проверяется или по крайней мере сопоставляется с другими теориями. Воспроизводимость же может и присутствовать (например, феномен НЛО), но уфологию все же называют псевдонаукой (из-за особенностей предлагаемой *интерпретации*).

¹³ Медведев Л.Н. Феномен паранаучного знания. Красноярск, 2007. С. 22.

¹⁴ Bunkum L.A. Flim-Flam and Quackery: Pseudoscience as a Philosophical Problem // *Dialectica*. 1987. № 41. P. 227–228.

В рамках «стандартного определения» псевдонаука обычно понимается как основанная исключительно на ложных основаниях, как воспроизведение ошибок, уже совершенных в прошлом. Например, Мартишина считает, что псевдонаука (лженаука) претендует на самостоятельность в данной области исследований, но построена на принципиально ошибочных основаниях, базируется на эмпирическом материале, полученном с существенными отклонениями от нормативных установок научного исследования, и таких же теоретических построениях¹⁵. Г.И. Абелев также характеризует псевдонауку как «систему взглядов и представлений, основанных на ложных внеученных принципах» (например, мичуринская биология, теория происхождения клеток из «живого вещества»)¹⁶. В редакционной статье журнала «Nature» под названием «Некомфортная правда» псевдонаука трактуется как «низкокачественные исследования, чьи результаты бессмысленны»¹⁷, связаны с идеологизацией науки. Дж. Холтон определяет псевдонауку как чепуху и суеверия, словом, как концепции, явно противоречащие фундаментальным научным истинам¹⁸. В учебнике по философии науки псевдонаучное также трактуется как заблуждение, которое «стремится придать себе форму научного знания и претендует на его статус и признание»¹⁹.

На наш взгляд, причина определений псевдонауки как заблуждений в том, что сама область околонучного знания представляется исключительно в темных тонах. Характерно мнение Пружинина, будто в самой по себе теме или проблеме псевдознания никакой собственной содержательной глубины нет, а собственное эпистемологическое содержание этой тематики весьма скудное, потому что псевдонаука как таковая не является самостоятельным познавательным феноменом²⁰. Однако определенная специфика, причем именно когнитивного рода, в тематике околонучного знания все же присутствует и она несводима к одним лишь заблуждениям. Область околонучного знания разнообразнее.

В литературе термины «псевдонаука», «лженаука», «паранаука», «квазинаука» повсеместно используются как синонимы, причем иногда авторы приводят этимологию приставок для подтверждения синонимичности. Однако при этом не замечаются некоторые тонкости.

¹⁵ Мартишина Н.И. Наука и паранаука в жизни современного человека. Омск, 1997. С. 20.

¹⁶ Абелев Г.И. Об истоках псевдонауки // Здравый смысл. 2002. № 22; <http://garriabelev.narod.ru/pseudo.html>.

¹⁷ Uncomfortable truths // Nature. 2005. № 7034. P. 681.

¹⁸ Холтон Дж. Что такое антинаука? // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 27.

¹⁹ Микешина Л.А. Философия науки : современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. М., 2005. С. 237.

²⁰ Пружинин Б.И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. М., 2009. С. 299–300.

Приставка «пара» обозначает против, возле, мимо. «Квази» – якобы, мнимый, ложный; «псевдо» – часть сложных слов, означающая: ложный, мнимый, кажущийся, иногда – поддельный. Приставки квази-, псевдо- и лже- на латинском, греческом и русском соответственно означают одно и то же. Поэтому *этимологически* эти термины эквивалентны (следовательно, неправомерно ставить одно над другим, что встречается, например, в классификации В.М. Найдыша, где квазинаука – более общее понятие).

Однако эпистемологически эти термины вовсе не эквивалентны, так как в определениях псевдонауки и лженауки как синонимы приводятся ложное, неистинное (как неправильное) и неподлинное (как мнимое, кажущееся). В этом и состоит тонкость. В словарных определениях ей, похоже, не придали особого значения. Но ясно, что в контексте теории познания это важно: в первом случае речь идет об отношении лженауки к истине, во втором случае говорится лишь о неподлинности, непохожести на оригинал. Соображение, что псевдонаука подчас служит источником для науки, также служит аргументом в пользу того, что разница между «ложно» и «неподлинно» действительно есть. Есть лженаука, но есть и нечто иное. Есть и область, которая не может быть так однозначно оценена. Эту область логично назвать псевдонаукой, учитывая, что один из этимологических смыслов псевдонауки – «неподлинное»²¹. Поэтому классическое определение псевдонауки как комплекса заблуждений, вероятно, более применимо к лженауке, а в случае псевдонауки бьет мимо цели.

Подобный взгляд хотя и основан на легко доступном изучении этимологии терминов, не является общепринятым. Показательно, что в английском также есть термины “pseudoscience” (псевдонаука) и “false science” (ложная наука), но их, насколько можно судить по опыту авторов, обычно не разводят и употребляют как синонимы. Сходная идея (о различии ложного и неподлинного) приводится лишь в статье российского автора А.М. Гальмака, где утверждается, что лженаука и квазинаука – разные явления; лженаука – ложное, а квазинаука – нечто напоминающее науку, ненастоящая наука²². Правда, более детально эта разница в статье не разрабатывается.

Примером своего рода классического подхода является заявление «Наука клеймит псевдонауку». Будучи «обеспокоенными все более широким распространением астрологии, знахарской медицины, хиромантии, магии чисел»²³, авторы попытались доказать, что наука

²¹ См. подробнее: Конопкин А.М. Особенности структурирования околонуточного знания // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2009. № 3 (11). С. 39–47.

²² Гальмак А.М. Можно ли измерить квазинауку? // В защиту науки. 2006. № 3. С. 131.

²³ Наука клеймит псевдонауку // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. 1, № 1. С. 143–145.

никоим образом не может служить обоснованием веры в эти идеи. Однако наряду со справедливыми замечаниями (например, что судьба человека определяется не сочетанием звезд и планет, а генетическим кодом и социокультурными факторами) материал содержит и существенные упрощения, характерные для классического подхода. Так, авторы считают, что в древности астрология, каббалистика и знахарская медицина были «неотъемлемыми частями мифологически-магической картины мира и выполняли мировоззренческие и познавательные функции»²⁴. Якобы только в рамках астрологии и алхимии небесные тела представляли воплощениями божественных сил, а «физические процессы казались продуктом таинственных “скрытых качеств”... люди не имели понятия о различных физических и химических взаимодействиях»²⁵. Пришедшая им на смену наука уже не была частью мифологической системы мира и все расставила по своим местам. Здесь заметно стремление провести четкую грань между астрологией и астрономией, алхимией и химией и обозначить устаревшие учения однозначно как часть мифологической картины мира. Однако исследования по истории науки не подтверждают столь простой и заманчивой интерпретации соотношения науки и лженауки. Так, например, В.Л. Рабиновичем было показано, что в истории алхимия и химия настолько тесно переплетены, что разделить их можно, только сильно огрубляя реальную историю науки²⁶.

Иные трудности классического подхода

В другом аспекте критериального подхода иногда предлагается определять псевдонауку по предмету. Это связано с утверждениями, что существует разница в предметах (или методах) науки и псевдонауки. Российский исследователь В.Б. Петров считает, что псевдонаука – наука, исследующая феномены с неопределенным онтологическим статусом: либо их существование не признается традиционной наукой, либо они не могут исследоваться в рамках какой-либо из признанных научных дисциплин²⁷. Такое понимание не всегда оправданно, ведь часто дело не в разнице предметов, а в истолковании результатов. Так, источник проблем с уфологией или парапсихологией не в том, что у них уникальный предмет, – исследования в этих областях проводились и с научных позиций – а в слишком смелых, далеко идущих интерпретациях.

²⁴ Наука клеймит псевдонауку. С. 143–145.

²⁵ Там же.

²⁶ См.: Рабинович В.Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. М., 1979.

²⁷ Наука и квазинаучные формы культуры ; отв. ред. В.М. Найдыш. М., 1999. С. 35.

Итак, классический подход испытал серьезные трудности на практике; оказалось, что ни один из критериев научности не является универсальным и не дает четкого отделения науки от ненауки. Однако даже при более частном рассмотрении выяснилось, что и внутри дисциплин, пусть при локальном применении критериев, проблема полностью не решается. Требования когерентности не всегда выполняются и внутри математики, к которой они наиболее применимы, а простота, эмпирическая проверяемость не всегда характерны для естественно-научных теорий. Отдельной неприятностью оказалась изменчивость самих идеалов научности²⁸; требования научности зачастую противоречат друг другу²⁹. Поэтому, по мнению Пружинина, обычно и связывают псевдонауку с нарушением тех или иных требований научности, не замечая скорее практическую, чем познавательную, принадлежность псевдонауки. Неоднозначность и историческая изменчивость критериев научности, ограниченность их универсализма показывались и в других работах (В.А. Бажанова, В.В. Ильина, А.В. Кезина, А.П. Огурцова и др.).

Так, Огурцов отмечал, что традиционно общепризнанные, инвариантные критерии научного знания – проверяемость, возможность прогнозирования, доказательность, опровержимость – недостаточны, не исчерпывают специфику научной рациональности³⁰. Против абсолютизации критериального подхода выступал и Порус. Он считает тупиковыми все споры о границах научной рациональности, пока в философии науки господствует критериальный подход³¹. Последний ведет к бесконечному регрессу в обосновании, или к логическому кругу³², вследствие чего в рамках исторического направления в философии науки произошел в конечном счете отказ от проблемы демаркации как псевдопроблемы; «не без основания многие методологи считают, что сама идея демаркации является следствием чрезмерно упрощенного, “одномерного” ... образа науки»³³.

Можно говорить о том, что классическое определение псевдонауки столкнулось с трудностями в плане а) определения несоответствия критериям научности; б) невозможности разделения предметов науки и псевдонауки; в) из-за упрощенного и по сути не вполне адекватного понимания псевдонауки как заблуждений.

²⁸ См.: Кезин А.В. Идеалы научности и паранаука // Научные и вненаучные формы мышления. Симпозиум (Москва, 4–9 апреля 1995 г.). М. ; Киль, 1996.

²⁹ Пружинин Б.И. Псевдонаука сегодня // Вестник РАН. 2005. № 2. С. 117–118.

³⁰ Псевдонаучное знание в современной культуре. С. 16–17.

³¹ Там же. С. 14–15.

³² Яровенко С.А. Научное и вненаучное знание: мифология демаркации // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. XVIII. № 4. С. 100.

³³ Порус В.Н. Указ. соч. С. 169.

Релятивистский и культурно-мифологический подходы

Исследования в релятивистском ключе еще более неоднозначны. Релятивизм разнороден. Так, американские прагматисты и представители аналитической философии (У. Джеймс, Р. Рорти, У. Куайн и др.) не считают себя противниками рационализма и не утверждают, что истины – всего лишь «удобные фикции», но отказываются от поиска прочных критериев для суждений³⁴. Это настолько распространенный взгляд, что в таком варианте релятивистским можно назвать едва ли не любое современное исследование. Но в радикальных вариантах релятивизм практически полностью отрицает объективность и истину как категории, заменяя их историчностью. Это и уже упоминавшееся фейерабендовское уравнивание науки и мифа, и более тонкий релятивизм К. Хюбнера, который утверждает принципиальную историчность научного разума, рациональности вообще. Он доказывает, что наука не имеет преимуществ перед мифом в обладании рациональностью, никакие успехи научных теорий не позволяют говорить об их истинности³⁵. Наука, по мнению Хюбнера, не рациональнее мифа, сам же миф не может быть опровергнут наукой.

В реальности классификация весьма трудна и зависит от многих тонкостей. Так, позиция Ю. Халтурина при поверхностном взгляде может показаться всецело классической – ведь он утверждает, что наука «успешна и эффективна», а псевдонаука – нет³⁶. Успешность и эффективность могут быть поняты как эпистемологический критерий, характерный для классического позитивистского подхода. Однако здесь же сам автор пишет о «невозможности провести четкую границу между двумя этими типами знания на основе эпистемологических или социологических критериев»³⁷. Если не обращать внимания на это противоречие, утверждение историчности разделения науки и псевдонауки, а также предлагаемый «исторический критерий, который определяет “псевдонауку” как допарадигмальную стадию развития новых форм научного знания, противоположную устоявшейся парадигме “нормальной науки”»³⁸, несет достаточно выраженный релятивистский оттенок. Отрицание возможности демаркации, фактическое уравнивание псевдонаучных и революционных научных идей характерно прежде всего для релятивизма.

³⁴ Касавин И.Т., Микешина Л.А. Релятивизм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 825.

³⁵ Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996. С. 232.

³⁶ Халтурин Ю.Л. Указ. соч. С. 163.

³⁷ Там же. С. 158.

³⁸ Там же.

Релятивисты безуспешно пытались обосновать полное равноправие науки и мифа, отсутствие демаркационной линии. Сочувствующие этим идеям нашлись среди гуманитариев, большинство ученых-естественников резко критиковали подобные идеи. Категоричен С. Вайнберг, который в своем эссе в одном из ведущих мировых журналов («Nature») писал, что время от времени ученым только мешает вера в одну из упрощенных моделей науки, которые были предложены философами от Ф. Бэкона до Т. Куна и К. Поппера. По его мнению, «лучшее противоядие от философии науки – знание истории науки»³⁹.

Вайнбергу вторит его российский коллега Ю.Н. Ефремов, который называет злейшим врагом науки отдельные философские течения, которые пытаются свергнуть науку с ее пьедестала и отвергают ее особый эпистемологический статус, состоящий в утверждении, что лишь наука дает нам истинное знание о мире. «Враги науки оспаривают это утверждение, ссылаясь на частую смену научных теорий»⁴⁰. «Знаменитые “научоведы” Кун и Фейерабенд» объявляются «бывшими неудачниками в науке», в действительности безграмотными в научном отношении⁴¹. Эта позиция распространена среди естественников, среда которых оказалась мало восприимчива к релятивистскому радикализму. Критика постпозитивизма здесь обусловлена чрезмерным упрощением ситуации, ибо неправомерно говорить о недостаточной научной грамотности его адептов. Но и сами постпозитивисты «перегнули палку» и в какой-то момент разошлись с реальностью.

Действительно, релятивистские трактовки истории науки далеко не бесспорны. Т. Теочарис и М. Псимопоулос указывали, что идеи Поппера, Куна и Фейерабенда противоречивы, опровергают сами себя. Например, попперовское утверждение о том, что все наблюдения теоретически нагружены, влечет за собой невозможность фальсификации – ибо тогда теории не фальсифицируются фактами, а лишь сталкиваются с другими теориями. Авторы указывают, что, согласно критерию фальсификации, правильное утверждение «Земля имеет приблизительно сферическую форму» ненаучно, а тезис «Земля плоская» оказывается научным, так как он фальсифицируем. Куновская замена критерия истинности научных теорий критерием согласия научного сообщества отвергает и претензии на истинность его собственной теории⁴².

³⁹ Weinberg S. Scientist: Four Golden Lessons // Nature. 2003. № 426. P. 389.

⁴⁰ Ефремов Ю.Н. Естествознание и квазифилософия // В защиту науки. 2006. № 1. С. 124–125.

⁴¹ Там же. С. 126–127.

⁴² Theocharis T., Psimopoulos M. Where Science has Gone Wrong // Nature. 1987. № 329. P. 595–596.

Таким образом, классический критериальный подход столкнулся с трудностями, но и релятивистский подход оказался впадающим в другую крайность. Нельзя сказать, что в современных исследованиях не осознается несовершенство классического и релятивистского пониманий. Однако предлагаемые способы решения неоднозначны. Трудность определения псевдонауки в рамках критериев научности привела к тому, что псевдонауку вовсе перестали сопоставлять с наукой и стали рассматривать как самостоятельное явление – часть массовой культуры, мифа – или связывать с личностью псевдоученого. Именно в этих рамках развиваются многие современные подходы.

Так, в рамках одного из самых популярных подходов, условно названного нами культурно-мифологическим, выдвигаются такие идеи: псевдонаука – самостоятельный тип вненаучной культуры; псевдонаука не должна сопоставляться с наукой; отказ от критерия истинности в оценке знания; псевдонаука родственна мифу, это форма массовой культуры, идеологии.

Представители этой распространенной точки зрения (Мартишина, Найдыш) склонны утверждать, что с логико-гносеологической (!) точки зрения паранаука представляет собой разновидность современной мифологии (вненаучного знания). Поэтому псевдонаука ставится в один ряд с другими вненаучными формами культуры – мифом, религией, художественным, философским и обыденным познанием, которые являются самостоятельными по отношению к науке способами познания мира⁴³. Говоря о формировании к концу 1980-х гг. специального направления исследования вненаучного знания как целостного феномена, Мартишина имеет в виду именно этот подход.

Почему же псевдонаука пытается стать наукой, выдает себя за науку? Все дело в том, что «авторитет науки в обществе достаточно высок, чтобы “правильность”, “ценность” и “научность” воспринимались общественным мнением как синонимы». Поэтому псевдонаука и пытается получить этот высокий статус, хотя у нее есть свои «специфические особенности, собственные стандарты движения мысли»⁴⁴. После отказа от критерия истинности в оценке науки и псевдонауки («вопрос о степени истинности тех или иных положений может оказаться спорным и со временем переоцениваться нормативной наукой»⁴⁵) и методологического отказа от сопоставления псевдо(пара)науки с наукой у Мартишиной фактически не остается иного выбора в характеристике базовых идей, кроме как через миф. Например, анализируются сходства паранауки и мифа – склонность к архетипам, мифологемам, канонизация исходных текстов. Думается, эта слож-

⁴³ Мартишина Н.И. Когнитивные основания паранауки. Омск, 1996. С. 7.

⁴⁴ Там же. С. 7.

⁴⁵ Там же. С. 12.

ность возникает именно из-за отказа от критерия истинности и без этого охарактеризовать базовые идеи можно, рассматривая их только через призму мифа, идеологии или религии. Когнитивными преимуществами мифа Мартишина объясняет и востребованность пара(псевдо)науки в современном массовом сознании.

Наконец, известность получили исследования Найдыша, который включает пара-, псевдо- и лженауки в контекст собственной классификации, где как наиболее общее понятие используется понятие квазинаука⁴⁶. Под квазинаукой понимается некорректное смешение различных форм культуры. Основные тезисы этого подхода сходны с тезисами Мартишиной и культурно-мифологического подхода в целом:

квазинаука развивается «в соответствии со своей собственной внутренней логикой, специфической программой самовоспроизведения»⁴⁷;

квазинаука – не когнитивный, а самостоятельный внеучный феномен; «квазинаучная мифотворческая деятельность принципиально чужда познавательному, субъект-объектному отношению к миру. Квазинаучное мифотворчество не является разновидностью познавательной (пусть даже вне(до)научной) деятельности, оно представляет собой некий вид духовного освоения мира, в котором познавательный момент носит вторичный, антуражный характер»⁴⁸;

квазинаука идейно, структурно и генетически – это несказочная проза, былички как жанр фольклора;

результаты квазинаучного мифотворчества – квазинаучные мифологии – «должны интерпретироваться не в системе категорий истинно–ложно, а в принципиально иной плоскости: через оценку меры их поэтичности»⁴⁹.

Псевдонаука сквозь призму оценок человека и общества

Психологический и социальный подходы имеют сходные послышки с культурно-мифологическим подходом, но есть существенная разница в выводах. В первую очередь это отказ от характеристики самого знания как внеучного феномена. Псевдонаука понимается как феномен, имеющий как основания причины психологического или социального рода.

⁴⁶ Наука и квазинаука / В.М. Найдыш, Е.Н. Гнатик, В.Н. Данилов [и др.]. М. : Альфа-М, 2008. С. 111.

⁴⁷ Там же. С. 121.

⁴⁸ Там же. С. 144–145.

⁴⁹ Там же. С. 145.

В психологическом подходе псевдонаука также самостоятельный феномен, но акцент делается на личности псевдо(лже)ученого; сама теория обычно не характеризуется или характеризуется как ложная. Внимание здесь обращается на то, что воспроизведение такой псевдонауки обеспечивается людьми с определенными психологическими чертами, многие из них «душевнобольные, одержимые бредом избретательства, который обычно сочетается с бредом преследования и с элементами мании величия»⁵⁰.

Полемизируя с Э. Лаггом, который характеризовал псевдонауку как «структурно испорченную практику»⁵¹, нидерландский исследователь Дерксен настаивает, что «вопрос, хорошо или нет подтверждена чья-то теория, как утверждал Лагг, не зависит от вопроса, является ли человек псевдоученым»⁵². Поэтому он считает ошибкой искать истоки псевдонауки в ее структуре или внутреннем характере.

С взглядами Дерксена схожа позиция М. Полани. Он придает большое значение научному сообществу и его традициям в определении научности, утверждая, что научный спор всегда превращается в спор личностей; организованное же согласие ученых и есть критерий научности. По его мнению, любой научный спор имеет тенденцию к «превращению его в диспут между установившимся авторитетом и самозванцем... за которым пока что отрицается статус ученого»⁵³. Поэтому ведущая роль должна принадлежать именно исследованию противостояния личностей. Полани возражал Т. Сеттл, отмечая, что сама наука характеризуется вовсе не личными чертами ученых, а рациональностью и критическим отношением⁵⁴. Поэтому вряд ли оправданно проводить границу, сосредоточиваясь только на анализе личности псевдоученого.

В другом популярном подходе псевдонаука характеризуется почти исключительно как социальное явление. Акцент делается на социальных предпосылках псевдонауки, особенностях текущей политической, экономической, культурной ситуации. Эти предпосылки не имеют прямого отношения к научному познанию, но способствуют распространению псевдонауки. Наиболее часто называют такие предпосылки, как недостаточный уровень образованности общества, увеличивающийся разрыв между наукой и образованием, коррупция, несовершенство законов, недобросовестная реклама и др.

⁵⁰ Касинов В.Б. Компромисс невозможен // Химия и жизнь. 1981. № 3. С. 32.

⁵¹ Lugg A. Pseudoscience as Structurally Flawed Practice: A Reply to A.A. Derksen // Zeitschrift für allgemeine Wissenschaftstheorie. 1995. № 26. P. 323.

⁵² Derksen A.A. The Seven Sins of Pseudo-Science // Journal of General Philosophy of Science. 1993. № 24. P. 17.

⁵³ Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. М., 1985. С. 235.

⁵⁴ Settle T. The Rationality of Science versus the Rationality of Magic // Philosophy of the Social Sciences. 1971. № 1. P. 174.

Довольно трудно судить, считаются ли эти причины основными или же только внешними. Наиболее активно приверженцы данного подхода призывают противодействовать именно этим предпосылкам (хотя, может быть, учитывается, что когнитивные предпосылки искоренить практически невозможно, поэтому и пытаются побороть хотя бы социальные). Так, отечественный исследователь А.С. Мамзин связывает псевдонауку с идеологией. Паранаука, по его мнению, это «имманентная стратегия современной идеологии, вписанная в дискурс общества потребления, инкорпорированная в средства массовой коммуникации»⁵⁵. Здесь пара(псевдо)наука предстает как социальная проблема.

Позиция академика В.С. Стёпина может быть понята двояким образом и служит примером идей, характерных как для социального, так и психологического подхода. Автор выделяет два вида концепций, претендующих на научный статус: эзотерические учения и практики, не являющиеся наукой, которые пытаются истолковать как науку, с одной стороны, и концепции, порожденные самими учеными, чересчур увлеченными своими идеями, – с другой⁵⁶. Первая часть утверждения характеризует культурно-мифологический подход. Утверждение же о нескритичности увлеченных ученых, которые могут продуцировать лженауку, говорит о том, что в этой части подход В.С. Стёпина может быть назван психологическим.

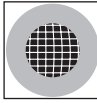
На наш взгляд, большинство перечисленных предпосылок псевдонауки носят внешний характер – они, несомненно, кое-что говорят об этом феномене. Однако они недостаточны для понимания феномена псевдонауки. Социальными причинами нельзя полностью объяснить существование псевдонауки, поэтому необходимо рассмотрение внутренних причин, которые лежат в организации знания и науки. Хотя этот подход поддерживается многими специалистами, он, похоже, часто основан на поверхностном анализе. Например, аргумент о падении уровня образованности наталкивается на контраргумент такого рода, что на самом деле никогда еще общество не было столь образованным, как сейчас, – число людей с высшим образованием высоко, как никогда, а в ряде развитых стран высшее образование и вовсе становится обязательным. Поэтому необходимо осмысление когнитивных причин как более глубоких, стоящих за внешними социальными проявлениями.

Трудности подходов без учета специфики знания

Подобные трудности возникают и перед другими подходами. Как в культурно-мифологическом, так и в психологическом подходе

⁵⁵ История и философия науки ; под ред. А.С. Мамзина. СПб., 2008. С. 168.

⁵⁶ Стёпин В.С. Наука и лженаука // Науковедение. 2000. № 1. С. 74–75.

упускается специфика самого знания – околонуучного, псевдонаучного. Само знание не характеризуется, будто оно вовсе не связано с наукой и научным творчеством. При отказе от рассмотрения псевдонауки как познавательного, когнитивного феномена теряется весь контекст, связанный с наукой. Непонятным становится тот факт, что область околонуучного знания вмещает в себя и многие бывшие научные теории, необычные гипотезы, почему область околонуучки и становится подчас донором идей для науки⁵⁷. Да и можно ли многие альтернативные теории из физики или биологии исследовать как сугубо некогнитивный феномен, «несказочную прозу» и т.д.? Большинство псевдо(лже)научных теорий заявляют о своем стремлении продвинуть вперед познание, пытаются по-своему обосновать выдвигаемые гипотезы. Это вызвано не только высоким статусом науки, как это объясняет Мартишина, но часто и действительным стремлением к научной истине, доказательности. Все это говорит как минимум о серьезных именно когнитивных претензиях псевдонауки.

Также нужна осторожность с утверждениями, что миф – принципиально ненаучная вещь, не критикуемая с научных позиций. Почему же тогда миф столь часто вступает в противоречие с объективными данными, откуда берутся прямые противоречия мифа и науки? Почему так часто псевдонаука заявляет о претензиях на научность (и иногда действительно добивается ее)? Самостоятельность псевдонауки как вненаучного феномена относительна. Эти трудности неудивительны при отказе от истинности как характеристики знания. В релятивизме это ведет к уравниванию науки и мифа, миф становится просто не с чем соотнести.

Категории научности и истинности действительно часто вступают в противоречие – научность не всегда значит истинность. Однако изменчивость науки не означает полного отсутствия инвариантных знаний, фактов, сохраняющихся со временем. Очевидно, кое-что важное упускается во всех подходах, где псевдонаука выступает как принципиально нецениваемая с позиций науки.

В целом уклон в сторону психологии и мифологии, несомненно, позволил расширить анализ и отойти от довольно одномерного традиционного противопоставления научное–ненаучное, но при этом возникли такие проблемы:

доказательства независимости псевдонауки от науки и необходимости ее анализа как самостоятельного типа знания весьма шатки;

возникают сложности с демонстрацией собственной логики возникновения и своего рода методологии псевдонауки;

перевод фокуса анализа со знания на личность или форму представления привел к недооценке когнитивных корней псевдонауки, ее связи с наукой, гипотезами.

⁵⁷ Достаточно вспомнить примеры гелиобиологии А.Л. Чижевского или концепцию дрейфа материков А. Вегенера.

Поэтому вряд ли можно обойти характеристику самой природы знания в рамках сопоставления с наукой. Без этого рассмотренные определения и подходы оставляют ощущение недосказанности, неполноты. С одной стороны, псевдонаука предстает лишь как заблуждения и ошибки, с другой – она теряет связь с наукой и выступает как форма мифа и/или массовой культуры, с третьей – она и вовсе лишь продукт деятельности людей с психическими отклонениями. Конечно, эта ситуация во многом обусловлена трудностями с попытками охарактеризовать отличия на уровне знания. Итак, что же характеризует само псевдонаучное знание, если это не всегда миф, идеология или субъективная убежденность?

Наиболее простой и логичный ответ состоит в том, что, вероятно, есть область псевдонауки, которая тяготеет к науке и должна рассматриваться с позиций науки, а есть область, тяготеющая к вненаучному знанию. Есть ли претензия на истинность или есть лишь обращение к мифу, чувствам, вере – этот вопрос также актуален. Область, тяготеющая к вненаучному знанию, должна анализироваться как часть вненаучного знания. Естественно, она не должна пересекаться с наукой на поле, относящемся к науке, иначе это уже не будет вненаучный феномен! В английском языке также есть термины *nonscientific* и *unscientific* для обозначения ненаучного в двух смыслах – как не имеющего отношения к науке и как ненаучного в смысле противостоящего науке.

Однако если у нас есть такие две области, логично предположить, что та часть псевдонауки, что имеет отношение к науке, *принципиально* не может быть полностью описана в рамках культурно-мифологического, социального или психологического подходов. Да, эти подходы хорошо характеризуют ту часть псевдонауки, которая действительно вненаучна. Однако эти случаи сравнительно редки, поэтому описать, например, *суть* уфологии через миф или былички было бы неверно, ибо при этом не учитывается наличие научного контекста проблемы. Поэтому хотелось бы возразить против именно абсолютизации подходов, рассматривающих псевдонауку как вненаучное явление – это ведет к значительному упрощению ситуации.

В целом классический подход кажется не вполне удовлетворительным – как из-за внутренних трудностей, так и в результате релятивистской критики. Однако и достаточно полное выявление сходства псевдонауки с мифом лишь частично раскрывает природу псевдонауки; попытки анализа ее как социального феномена наталкиваются на противоречия. Поэтому неизбежен поиск более свежих идей, которые могут хотя бы частично продвинуть вперед исследование, не обходя проблему характеристики знания. Специфика псевдонауки именно как знания состоит в том, что это чаще вид «неполного» знания, трудно доказуемых гипотез с большой долей неопределенности. Эта специфика может быть выявлена преимущественно в рамках логико-методологического подхода, который предполагает сопоставление псевдонауки и науки. Его планируется провести в следующей статье.